

Биттирова Тамара Шамсудиновна

СААДАТ ЧАГАТАЙ И ИЗУЧЕНИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ДИАСПОРЕ

В статье рассматривается вклад известного тюрколога Саадат Чагатай в изучение карачаево-балкарского фольклора в зарубежной диаспоре в Турции. Вместе с М. Дудовым они обозначили типологические особенности национального фольклора, его связь с тюркским миром. Исследования С. Чагатай определяются как важные источники, заложившие основу изучения карачаево-балкарского фольклора в контексте тюркских и европейских традиций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 21-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Особое влияние на формирование оценочных суждений нового типа критиков-профессионалов оказали прогрессивные идеи западных мыслителей – романтиков, в частности, немцев Гофмана, Тика, Шеллинга, Кроме этого, включение философско-эстетических размышлений в контекст театральной критики задает ценностный ориентир, основанный на попытке объективного анализа.

Список литературы

1. **Бент М. И.** Немецкая романтическая новелла. Генезис, эволюция, типология. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987. 120 с.
2. **Бурсов Б. И.** Критика как литература. Л.: Лениздат, 1976. 318 с.
3. **Вакенродер В.-Г.** Несколько слов о всеобщности, терпимости и человеколюбию в искусстве // Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. М.: Искусство, 1977. С. 55-59.
4. **Гофман Э. Т. А.** Дон Жуан // Литературные манифесты западноевропейских романтиков: собрание текстов. М.: Изд-во Московского университета, 1980. С. 172-185.
5. **Дмитриев А. С.** Проблемы йенского романтизма. М.: Изд-во Московского университета, 1975. 263 с.
6. **Московский Телеграф.** 1828. № 15. Ч. 22. Август. 583 с.
7. **Московский Телеграф.** 1830. № 13. Ч. 34. Июль. 584 с.
8. **Очерки истории русской литературной критики:** в 4-х т. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. XVIII – первая четверть XIX в. 368 с.
9. **Очерки истории русской театральной критики (конец XVIII – первая половина XIX в.).** Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1975. 380 с.
10. **Скородумова Л. Э.** «Фантазии в манере Калло» Э. Т. А. Гофмана: своеобразие композиции: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1996. 16 с.
11. **Соллертинский И. И.** Романтизм, его общая и музыкальная эстетика. М.: Гос. муз. издательство, 1962. 47 с.
12. **Тик Л.** Звуки // Литературные манифесты западноевропейских романтиков: собрание текстов. М.: Изд-во Московского университета, 1980. С. 86-90.
13. **Янушкевич А. С.** Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск: Издательство Томского университета, 1984. Ч. 2. С. 143-203.
14. **Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe.** Leipzig: Herausgegeben von Heinz Amelung, 1828. Bd. 2. 1797-1798.
15. **Kunze Stefan Mozarts Opern.** Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1984. 685 S.

**MUSICAL CRITICISM IN THE JOURNAL “MOSCOW TELEGRAPH”:
ARGUMENTS OF A ROMANTICIST ABOUT FINE ARTS**

Baryshnikova Ol'ga Grigor'evna
Tomsk Polytechnic University
olgabar@sibmail.com

The article examines the peculiarities of musical criticism in the journal “Moscow Telegraph” in the period of romanticism. The author focuses her attention on the change of discursive strategy of a critical article: narrow subject matter is accumulated with accompanying topics, which are being brought to the forefront. This way, arguments about a central romantic category of the beautiful are dominant in the article about a musical play. It testifies to the influence of the ideas of Western European romanticism on the consciousness of a Russian critic.

Key words and phrases: romanticism; critical article; category of the beautiful; “Don Juan”; musical theatre.

УДК 821.512.142.0

В статье рассматривается вклад известного тюрколога Саадат Чагатай в изучение карачаево-балкарского фольклора в зарубежной диаспоре в Турции. Вместе с М. Дудовым они обозначили типологические особенности национального фольклора, его связь с тюркским миром. Исследования С. Чагатай определяются как важные источники, заложившие основу изучения карачаево-балкарского фольклора в контексте тюркских и европейских традиций.

Ключевые слова и фразы: фольклор балкарцев и карачаевцев; диаспора; этническая память; творчество эмигрантов; песни; охотничий эпос.

Биттирова Тамара Шамсудиновна, д. филол. н.
Кабардино-балкарский институт гуманитарных исследований
Российской Академии наук и Правительства КБР
tbittir@mail.ru

**СААДАТ ЧАГАТАЙ И ИЗУЧЕНИЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ДИАСПОРЕ**

Повышенный интерес к компонентам духовной культуры этноса является частью диаспорального поведения и трудно переоценить роль фольклора в сохранении этнокультурной специфики. Стремление сберечь себя в качестве национального меньшинства, естественно, связано с коллективной памятью мигрантов. Оказавшись

в иной (хотя и родственной) языковой и культурной среде, мухажирь прилагали максимум усилий для сохранения национальной идентичности. В этом стремлении важное значение приобретал национальный фольклор.

Прошло более полувека, как образовалась карачаево-балкарская диаспора в Турции, прежде чем появились первые исследования по фольклору. У их истоков стоит имя славной дочери татарского народа, да и всего тюркского мира, Саадат Чагатай. Она родилась в 1907 году в Казани в семье известного общественного деятеля и писателя Аяза Исхаки. Они с отцом эмигрировали после Октябрьской революции в Европу. Изучала философию и тюркологию в Берлинском университете. В период учебы в университете Саадат занимается с тюркологическими исследованиями немецких, венгерских, польских и других европейских авторов, написавших фундаментальные исследования по тюркским народам России. С 1939 года работала на историко-географическом факультете университета в Анкаре. Первая ее исследовательская работа, опубликованная в научном журнале Краковского университета в 1935 году, была посвящена эпической песне «Нарик улу Чора», широко известной среди ногайцев, татар, кумыков, карачаево-балкарцев. Впоследствии наиболее полно сохранившийся текст песни был записан доктором исторических наук З. Б. Кипкеевой в карачаево-балкарской диаспоре, проживающей в Турции [2, с. 140-153.]. Все последующие исследования С. Чагатай были посвящены памятникам тюркского мира, как фольклорным, так и литературным. С 1928 по 1939 гг., проживая в Варшаве и Берлине, Саадат помогала отцу в издании журнала “Yanga Milli Yul” («Новый путь народа»). Опыт журналистской деятельности пригодился ей впоследствии, когда она знакомилась с культурой тюркских народов непосредственно через их носителей.

Интерес к фольклору, культуре, истории карачаево-балкарского народа у Саадат Чагатай был неслучаен. Можно предположить, что в период обучения в Европе она познакомилась с балкарцами-эмигрантами, участниками белого движения, активно сотрудничавшими в эмигрантской периодике – Мамгомедгерием Суюнчевым и Таусолтаном Шакмановым. Во всяком случае, о дружбе отца Саадат с названными балкарцами свидетельствуют архивные документы.

Необходимо отметить, что эмигранты многих народов России, оказавшиеся в Европе после Октябрьского переворота и гражданской войны, в основном были национальной элитой, обладали большим интеллектуальным потенциалом, который они старались реализовать через свое творчество – художественное, научное. Интеллигенция тюркских народов России накануне революции была объединена идеями крымскотатарского ученого и литератора Исмаилбея Гаспринского, основным девизом деятельности которого было «Тильде, ишде, фикирде бирлик» – «Единство в языке, вере и делах». Именно этим девизом были вдохновлены и татарские ученые, которые сделали в Турции видную научную карьеру и внесли большой вклад в развитие мировой тюркологии. Речь идет о трудах представителей татарской эмиграции первой волны Ахмет-Заки Валиди (Валиди-Тоган), Саадат Чагатай, Тахир Чагатай (супруг Саадат), Агдес Нигмат-Курат, Рашит Рахмати Арат и др.

Балкарцы и карачаевцы – офицеры, присягнувшие на верность царю и Отечеству, были членами различных политических образований, поставивших целью свержение коммунистического режима в России. Практически каждая организация имела свой печатный орган – журнал, альманах, бюллетень. Поэтому и наблюдалась активная публицистическая деятельность среди эмигрантов. Таковым был и Таусултан Шакманов – один из руководителей национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа, активный публицист и общественный деятель. «Находясь в эмиграции, Таусултан Келеметович продолжал заниматься политической деятельностью и в 1928 г. участвовал в создании на территории Польши общества национальных эмигрантских групп из России, которое в честь героя греческого эпоса назвали “Прометей”. Шакманов стал первым председателем правления этого общества» [1, с. 46-51]. Помимо политической деятельности, политэмигранты активно занимались вопросами культуры национальных диаспор.

Ученый-фольклорист Махмуд Дудов оказался в диаспоре после фашистского плена. Знакомству его с Саадат Чагатай способствовал, скорее всего, Таусултан Шакманов, как близкий знакомый ее отца. В конце 40-х – начале 50-х начинается совместное научное сотрудничество Саадат Чагатай и Махмуда Дудова (псевдонимы – Асланбек, Рамазан Карча и др.). Об этом свидетельствует и ее работа, посвященная карачаево-балкарскому фольклору, – “Karacausa birkas metin” – “Несколько статей о карачаевском (фольклоре)” [5]. Приступая к анализу фольклорных произведений, Саадат Чагатай пишет об их источнике: «Предлагаемая вашему вниманию работа внимательно записана из уст представителя мультиязыки (так называли в Турции перемещенных лиц периода Второй мировой войны – Т. Б.) Рамазан Наип Карачая (один из псевдонимов Махмуда Дудова). Тексты переведены на турецкий язык. Кроме одной песни (“Турчу, Аубекир” – “Вставай, Аубекир”), автор которой установлен, все представленные – из устной народной поэзии...» [Ibidem, b. 278]. Благодаря данной публикации, нам становится известно имя автора (Блигготов Ахмат) широко популярной в 1930-е годы антибольшевистской песни-протеста, ставшей гимном для участников сопротивления Советской власти в Карачае и Балкарии. Далее ученый характеризует карачаево-балкарские исторические песни как типологическую разновидность эпики Кавказа, о чем свидетельствуют, на ее взгляд, выбранные для анализа песни «Ачезез» и «Чёпеллеу». Автор подчеркивает также близость карачаево-балкарскому народу кумыков, она их представляет как носителей общей тюркской эпической традиции. Исследователь указывает также и на этнокультурное родство карачаево-балкарцев с крымскими татарами. Ссылаясь на исследования Ю. Клапрота [6], В. Прёле [7], С. Чагатай пишет, что общий для карачаевцев, балкарцев и кумыков язык начал изменяться в XV-XVI веках в отношении культуры. Эти важные научные предположения не потеряли актуальности и сегодня. В предисловии также дается подробная характеристика фонетике и грамматике карачаево-балкарского языка, автор затрагивает также проблему особенностей национальной орфоэпии. Работа ценна и научным комментарием, где неясные турецкому читателю слова и понятия раскрываются с позиций карачаево-балкарского фольклора и этнографии. Завершая краткий анализ особенностей карачаево-

балкарского языка и фольклора, С. Чагатай дает список той небольшой литературы по теме, которая была опубликована советскими авторами ко времени написания статьи.

В другом исследовании “Karacaу Halk Edebiyatında Avci Biуneger” – «Охотник Бийнёгер» в карачаевской устной литературе [4] Саадат Чагатай подробно анализирует мифологическую основу древней песни, находя прямые аналогии в сюжетных линиях, характеристике героев с индийским эпосом «Дантипала», а также с его уйгурскими, чувашскими, монгольскими и казахскими версификациями.

Одна из древнейших эпических песен «Бийнёгер» в карачаево-балкарском фольклоре занимает особое место. «Бийнёгер» – объект исследования многих фольклористов, непревзойденный по своим мифологическим коллизиям, нашел развитие и в балкарской драме [3]. Сюжет ее необычен: брат охотника Бийнёгера – Умар заболел «ит ауруу» – собачьей болезнью. По мнению знахарей, его может исцелить молоко маралихи, которую сможет поймать собака дяди по матери. Однако дядя не дал свою собаку Бийнёгеру, и он вынужден в одиночку пойти на поиски маралихи. Маралиха заманивает героя в непроходимые горные вершины и прокликает его. Бийнёгер не может спуститься с гор, он должен только прыгнуть, чтобы спастись, хотя шансов выжить у него ничтожно мало. Брат уговаривает его спуститься, угрожает ему:

«Сен тюшмесенг, санга этерими айттайым:
Уллу кызынгы мен Кюнчыкьгъаннга сатарма,
Гитче кызынгы да элтип Кюнбатханда сатарма,
Кез туурангда кьатынынг бла жатарма ...» [4, b. 104] /

«Я скажу, что я сделаю, если не спустишься:
Старшую дочь продам на Восток,
Младшую дочь продам на Запад,
А с женой твоей буду спать у тебя на глазах...»
(Здесь и далее подстрочный перевод автора – Т. Б.).

Однако Бийнёгер не реагирует на его угрозы и просит привести его любовницу из соседнего села. Только она найдет возможность спасти меня, заявляет герой песни. Любовница также уговаривает его спрыгнуть:

«Хомух болгъанса, бийлени бийи, суйгеним!
Тансыкъ болгъанма, чартлап чыгъады жюрегим.
Санга келгенме, эки бутуму ат этип,
Кьолларымы аланы сюрген кьамчи этип.
Кьутас чачымы юсюме жайгъан жамчы этип.
Алтынлыны бурнундан тутуп, быргъачы,
Юсюндеги мен тикген кёлегинги
Тешип, ал да, кёзлеринге чырмачы.
Кесинг ойнаучу акь мамукълай ёшюнюмю
Ачып турама, энди манга айлана, чыннгахы...» [Ibidem, b. 105] /
«Ты стал ленивым, князь над князьями, любимый!
Я соскучилась, – сердце выпрыгнет из груди.
Я пришла к тебе, и мои ноги, как кони.
Руки мои плети, подгоняющие их.
Укрылась своими шелковыми волосами как плащом.
Выбрось золоченого (ружьё – Т. Б.), держа за прицел,
Сними с себя сшитую мною рубашку,
Завяжи ее рукавами глаза.
Как белая вата, мою грудь, что ты любил ласкать,
Я открыла, бросайся на нее...».

Погибает герой, убивает себя ножницами (еще один сакральный предмет мифологического эпоса) его любимая. Идеология песни многоуровневая – здесь и борьба за выживание в суровых условиях гор, и наказание за уничтожение «братьев меньших», и напряженная коллизия элементов ислама и политеизма.

По мнению ученого, в этой поэме сохранились очевидные признаки многобожия, присущего в недавнем прошлом тюркским народам. С. Чагатай находит аналогии в содержании песни с европейскими (в частности, с германским эпосом) охотничьими эпическими сказаниями, где христианская идеология в свое время вытесняла политеизм. Ученый выделяет три основных семантических концепта песни:

1. Поиск молока маралихи, как средство излечения героя.
2. Присутствие в повествовании элементов буддизма, христианства и ислама, их борьба.
3. Колдовская роль женщины в судьбе героя.

Песня об охотнике Бийнёгере состоит в данном варианте из 360 строк. С. Чагатай перевела ее и в конце работы дала толковый словарь понятийному аппарату песни. Историко-типологическое исследование автора не потеряло актуальности и сегодня, благодаря широте охвата как теоретического, так и эмпирического материала.

Известный фольклорист, автор научных монографий по истории и этнографии, Махмуд Дудов до переезда в США работал над созданием свода карачаево-балкарского фольклора [8]. В этом сложном деле ему помогали известные тюркологи, ученые, преподаватели и журналисты. Самую существенную помощь Махмуду оказала известный ученый-тюрколог Саадат Чагатай. Многие факты говорят об их плодотворном

сотрудничестве в деле изучения и пропаганды карачаево-балкарской культуры и лучших образцов национального фольклора. Помимо научных исследований С. Чагатай вела среди студентов университета семинар, посвященный карачаево-балкарскому фольклору, истории, литературе и языку.

Таким образом, одним из первых исследователей карачаево-балкарского фольклора в диаспоре является Саадат Чагатай, автор нескольких фундаментальных работ. Она приложила немало усилий для ознакомления всего тюркского мира с карачаево-балкарской культурой – фольклором и литературой, в первую очередь, своими научными публикациями.

Список литературы

1. **Барасбиев М.** Генеалогия Таусултана Шакманова // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ: Издательство СОГИ, 2010. Вып. 2. С. 46-51.
2. **Кипкеева З. Б.** Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2000. 184 с.
3. **Сарбашева А. М.** Фольклорно-этнографический компонент в художественной структуре современной балкарской драмы // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 576-579.
4. **Fuad Köprülü Armarani.** Dogum yili munasebetiyle Fuad Koprulu almaganı. İstanbul: Osmangazi universitesi, 1953. B. 93-112.
5. **Karacaуca birkac metin.** Ankara Universitesi, Dil, Tarih-Geograуa Fakultesi Dergisi, 1951. B. 277-299.
6. **Klaproth J.** Tatarische Stamme im Kaukasus // Klaproth J. Reise in den Kaukasus. Haile Berlin, 1812. S. 503-536.
7. **Prohle W.** Karatschajische Studien von W. Prohle "Keleti Szemle". Budapest, 1909. Bd. X. S. 83-150; 1914-1915. Bd. XV. S. 215-304.
8. **Ramazan Karca, Hamit, Zübeyir Kosay.** Karagay-Malkar Türklerinde Hayvancılık ve Bununla ilgili Gelenekler. Ankara: Turk tarih kurumu basma evi, 1954. 150 b.

SAADAT CHAGATAI AND THE STUDY OF THE KARACHAY-BALKAR FOLKLORE IN DIASPORA

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor in Philology
*Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy
of Sciences and the Government of the Kabardino-Balkar Republic
tbittir@mail.ru*

The article discusses the contribution of the famous turcologist Saadat Chagatai in the study of the Karachay-Balkar folklore in a foreign diaspora in Turkey. Together with M. Dudov they identified the typological features of the national folklore, its relationship with the Turkic world. S. Chagatai's studies are considered to be the important sources, which laid the basis for the study of Karachay-Balkar folklore in the context of the Turkic and European traditions.

Key words and phrases: folklore of Balkars and Karachais; diaspora; ethnic memory; immigrants' creativity; songs; hunting epos.

УДК 8; 821.161.1

В статье рассматривается несколько концепций, связанных с комментированием образа Машеньки из стихотворения Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Автор статьи формулирует свой вариант прочтения исследуемого образа. Образ Машеньки позволяет автору статьи провести сопоставительный анализ образа Идеала Н. С. Гумилёва и поэта-символиста А. А. Блока. Делается вывод о создании поэтами творческого пространства по принципу сближения в лирике двух начал: материального и онтологического.

Ключевые слова и фразы: лирика Н. С. Гумилёва; лирика А. А. Блока; акмеизм; символизм; активный романтизм; пушкинские аллюзии; образ Машеньки; «Заблудившийся трамвай».

Жукова Александра Андреевна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ksana121@mail.ru*

ОБРАЗ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ Н. С. ГУМИЛЁВА

В современном литературоведении многие исследователи сконцентрировали внимание на трактовке образа Машеньки в стихотворении Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Каждая из предложенных концепций, безусловно, является резонной и представляет собой научную ценность. В данной статье будет проведено исследование и комментирование ранее представленных теорий, относящихся к образу Машеньки, и разработан свой вариант прочтения, который позволит расширить границы понимания проблематики анализируемого стихотворения и пространства поэтического мира Н. С. Гумилёва в целом.

Наиболее известной и очевидной стала позиция, сопоставляющая Машеньку Н. С. Гумилёва с героиней пушкинской повести «Капитанская дочка» Марьей Ивановной Мироновой (Л. Аллен [1, с. 113-143]). Автором данной концепции можно считать И. В. Одоевцеву, подробно описавшую историю создания «Заблудившегося трамвая» и возможный подтекст стихотворения: «Машенька в то первое утро называлась Катенькой.